

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-I-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBURG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

Ален Кабантус

НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

(Западная Европа XVII–XVIII вв.)

Зачем изучать ночь? Ведь историки не проявляют интереса и к дневным часам, на которые в подавляющем большинстве случаев приходится человеческая деятельность. Но разве дневной историей все исчерпывается? Конечно же, нет. Жизнь заявляет о себе и в “часы темноты”¹.

Но как понять ночную историю? Является ли она “абсолютной” изнанкой истории дневной? Быть может, в ней нет ничего существенного (хотя бы по причине отсутствия света? Или ночь предстает как особый момент времени, со своими собственными ритмами и своими колебаниями, порождающий свои, особые типы социальной и пространственной организации? Обладает ли ночь культурной спецификой, рамки которой нам следует здесь наметить и развитие которой на протяжении двух последних столетий Нового времени мы должны попытаться проследить?

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

На данный момент совокупность работ, посвященных ночи, имеет по крайней мере три основные характерные черты:

- 1) довольно значительное число публикаций, главным образом статей и сборников статей²;
- 2) предельный разброс интерпретаций, причем нередко ночь служит поводом для весьма субъективных построений, своего рода самоанализа современного художника или писателя, обыгрывающего феномен *ночь*³;
- 3) неординарный интерес, проявляемый различными общественными науками к данной тематике. Если составить примерный перечень исследований, то большую его часть займет литература, а на втором месте будет история искусств⁴, – постольку, поскольку в каждой из этих областей ночь породила отдельный и совершенно особый жанр творчества.

Например, в словесности “ночная”, “кладбищенская” поэзия получает развитие главным образом начиная с XVII и в еще большей мере с XVIII в.: она возникает сначала в Англии, у Парнелла (1712–1713), Джеймса Ральфа (1729) и, конечно, у Юнга⁵ около 1742–1745 гг., а затем, на немецкоязычном пространстве, у Новалиса⁶.

В иной плоскости ночь – не столько ее тематика, сколько само имя, “титул” – могла служить предлогом для более или менее взыскательных наблюдателей, склонных описывать или анализировать нравы современников: от Контана д’Орвиля с его “Английскими ночами” (где ночь присутствует только в названии), до Ретифа де Ла Бретонна и его “Парижских ночей”⁷.

Понятно поэтому, что критики и историки литературы, столкнувшись с подобными произведениями, проявляли интерес к ночи, причем отнюдь не ограничивались предромантизмом как таковым. Так, например, Ж.М. Моген и группа специалистов по английской литературе, возглавляемая С. Кади, занялись изучением темы ночей у Шекспира⁸, а Мишель Бютор или Ж.П. Корсетти проанализировали чувство ночи, соответственно, у Анри Мишо и Жоржа Батая⁹. Недавний коллоквиум “Помыслить ночь” в Клермон-Ферране еще раз показал всю плодотворность литературоведческих разысканий на эту тему: подавляющее большинство участников коллоквиума были специалистами по Эразму, Агриппе д’Обинье или Генри Вогэну¹⁰.

В этом кратком обзоре следовало бы также упомянуть социологию, право и географию¹¹; собственно исторические исследования занимают в нем довольно скромное место, по крайней мере, во Франции. За исключением прекрасной книги Симон Делатр о ночном Париже XIX в., его воображаемом и социопространственной реальности, а также несколько поверхностной работы Жана Вердона о ночи в Средние века¹², в большинстве исследований если и уделяется известное место этому отрезку времени, то ночь изучается в аспекте механизмов юридического контроля. Ночное измерение в Венеции, Женеве, Дуэ, Невшателе, в Лионне, южных провинциях или деревне в Артуа прежде всего вписывается здесь в гораздо более обширное пространство – пространство мер, принимаемых центральными и местными властями в связи с этим небезопасным временем суток¹³. Напротив, новаторские соображения Жана Делюмо о страхе перед ночью и несколько страниц Даниеля Роша о городском освещении открывают новые перспективы изучения культуры и материальной цивилизации¹⁴. Возможно, в сознании этих историков запечатлелся провокаторский призыв-манифест Роже Дадуна, восклицавшего: “О, если бы какой-нибудь историк-волшебник (но останется ли он тогда историком?) попытался завтра, или в один прекрасный день, восстановить историю ночи; она могла бы приоткрыть нам те светлые тайны, от которых самонадеянно отворачивается ученая

история, стремящаяся лишь к серому, непрозрачному свету, какой можно извлечь из давно известной череды трудов и дней!”¹⁵

Замечание Дадунa не лишено реалистического взгляда на ту почти неподъемную задачу, которая ожидает историка ночи, немедленно сталкивающегося с безнадежно обобщенным подходом к темному времени суток.

Проект исследования, который бы мне хотелось в общих чертах здесь наметить, гораздо менее амбициозен, однако соотносится с более широкой проблематикой, нежели вопрос о времени и законе. Я столкнулся с темой ночи, когда изучал неоднозначное соотношение профанного и сакрального в обществах Старого порядка. Тогда ночь представлялась мне отрезком времени, способным связать воедино две эти модальности жизни человека в его соотношении с внешним миром¹⁶. Далее я начал размышлять о разных антропологических аспектах этой темы в XVII–XVIII вв. и об их пересечении. Иными словами, о множестве социальных восприятий этого времени суток (индивидами и социальными институтами Нового времени), их идеологической и культурной подоплеке. В этом плане ночь как пространственно-временное единство позволяет наглядно увидеть борьбу культур, или, вернее, безусловно различных культурных ценностей, с целью навязать всему обществу некую единую норму и тем самым установить над ним контроль. Постольку, поскольку существуют автономные “ночные” культуры, органы власти всегда, хотя и разными средствами, преследуют одну и ту же цель: захватить это время и подчинить его себе.

В этом смысле ночь – один из многочисленных примеров того стремления “дисциплинировать” социум, которое было характерно для процесса построения обществ Нового времени.

Таким образом, мы ставим достаточно скромную задачу: наметить ряд подходов, которые можно выделить в рамках нескольких широких проблем. Во-первых, это социальная автономия ночи, понимаемой как время суток, когда индивид или коллектив может не подпадать под действие “дневных” норм и тем самым избегать контроля со стороны властей различных уровней. Разумеется, последние отнюдь не пребывали в неведении относительно ночной жизни, тем более что их представители (как частные лица) принимали в ней участие. Однако они как институты оказались неспособны ее контролировать, а значит, подчинить. Во многом именно из-за этой непокорности власти (представляемой государством, городом, Церковью) настаивали на девиантном характере “ночных” деяний: тем самым они обосновывали и подчеркивали их осуждение, чтобы легче было поставить данный феномен под свой контроль. Тем не менее, судя по первым наблюдениям и анализу документов – бесчисленных, но зачастую обрывочных и разрозненных (еще один довод в пользу ра-

зумного честолюбия, вопреки мнению Дадуна), – можно довольно четко выявить различия в восприятии и отношении к ночи в зависимости от географического пространства Западной Европы. Поэтому мы вправе обратиться к сравнительной истории – при условии, что само понятие и его задачи будут четко определены, – дабы выявить пространственные особенности этого явления, нередко более важные, нежели полученные на основании отдельных “туристических” наблюдений. Тем самым, несмотря на общие нормативные референты, можно очертить специфические практики, характерные для различных типов культурного поведения.

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ

Границы объекта

Для анализа форм требуется сначала очертить границы изучаемого объекта. Здесь возникает первое препятствие, связанное с расплывчатостью обозначений ночи.

Прежде всего, согласно религиозному пониманию ночи, широко распространенному в Новое время, ее не следует смешивать с тьмой¹⁷. Тьма в языке мистики, пасторали или богословия всегда обозначает время, тяготеющее к хаосу и аду и радикально, как в иоаннической традиции, противоположное божественному свету. Напротив, ночная темнота – по крайней мере, в мистической литературе XVI в., у Таулера, Херпа, Терезы Авильской и, конечно, у Жана Лакруа – это необходимый путь к вере и свету Бога. Однако (возможно, в связи с общим упадком этого духовного течения) *posche oscura* постепенно утрачивает свою функцию медиатора: ночь все больше несет в себе смысл разрыва с Богом, времени, предвещающего страдание и смерть, ибо ночь царила на земле прежде, нежели Бог сотворил свет¹⁸. По самой приблизительной хронологии, в проповеднических текстах тематика ночи начинает смещаться в этом направлении в начале XVII в.

Однако вне систем духовного истолкования остается один важный вопрос. Что такое ночь с точки зрения повседневной жизни и общественных норм?

Здесь ночь определяется одновременно и строго, и достаточно гибко. В юридическом плане границей между днем и ночью является момент, когда гасят свет. “Когда гаснут огни”, и горожанам, и деревенским жителям подается звуковой сигнал, предупреждающий о начале нового времени суток. Как правило, эту роль исполняют церковные колокола. Однако, например, в Венеции, о ночном времени оповещают двумя разными звонами: *gialtina* означает затемнение, а *paupangona* возвещает о начале рабочего дня на Арсенале, т.е. прерыв-

вает ночное время¹⁹. В некоторых городах – центрах Реформации, например в Женеве, о времени расходиться по домам возвещает барабан, за час до заката, а затем “марш”: оба служат сигналом начала ночи, когда закрывают ворота²⁰. Напомним знаменитый отрывок из “Исповеди” Жан-Жака Руссо: “Проклятый капитан усыпил мою бдительность... капитан, который всегда закрывал ворота, на стражу которых заступал на полчаса раньше других. Я возвращался с двумя друзьями. В полулье от города я слышу, как звонят вечерню; я ускоряю шаг; слышу, как бьют... бегу со всех ног: прибегаю запыхавшийся, весь в поту; сердце колотится; издалека я вижу солдат на посту, подбегаю, кричу сдавленным голосом. Было слишком поздно. Еще двадцать шагов, и я вижу первый мост. Я с содроганием вижу, что его жуткие рога уже в воздухе, злоеший, роковой знак той неизбежной судьбы, которая начиналась для меня в тот момент”²¹.

Однако все эти подробности городских правил лишь в малой степени устраняют неоднозначность границ ночи, которые весьма ощутимо меняются в зависимости от времени года²²; кроме того, в визуальном восприятии ночи есть промежуточная стадия – сумерки, пора “меж волка и собаки”, момент угасания света. Неоднозначность определения ночи отражается в именовании этого времени суток как в правовых актах, так и в личных записях.

Клод Говар, равно как Робер Мюшембле или Николь Гонтье подчеркивают важное значение момента, “когда зажигают свечи”²³, тех неопределенных по времени часов, что размывают все ориентиры и потому оказываются под особым подозрением²⁴. Но и саму ночь люди Нового времени не всегда определяют четко. Не говоря уже о крестьянах, неспособных точно указать час какого-нибудь ночного происшествия, отметим, что и горожане испытывали аналогичные затруднения. Если Барбье, парижский адвокат времен Людовика XV, делает полночь главной точкой отсчета времени²⁵ (“два часа пополуночи”), то за полтора века до него другой парижский горожанин, Пьер де Лэтуаль, прибегает по меньшей мере к тринадцати выражениям для обозначения ночи, которая упоминается в его “Памятном дневнике” 456 раз²⁶. Таким образом, мы должны быть особенно внимательны к лексике, используемой для обозначения ночи: отмечать, каким образом авторы документальных свидетельств разграничивают или смешивают временные отрезки.

Культурные навыки и обычаи

Насколько устойчивое наличие подобной неоднозначности обуславливало страх перед наступлением ночи и перед нею самой? Чувство страха вызывал скорее результат, а не причина – в той мере, в какой это время суток вызывает сильную тревогу у людей, например опа-

сение, что солнце исчезнет безвозвратно, и в какой этим обществам, несущим на себе печать Священного Писания, известно, что над ночью может тяготеть проклятие. Об этом напоминают верующим пассажи из псалмов, книги Товии и Исаяи, повествования о Страстях Христовых²⁷. *Ночи* боятся еще и потому, что человек, который может видеть, оставаясь невидимым, прежде всего боится быть увиденным, не видя сам, т.е. боится стать легкой добычей для любого потенциального врага. Это очень древний страх, укорененный в человеческих чувствах: смешивая воображаемое с реальностью тьмы, они населяют это время суток бесчисленными опасностями, непредвиденными нападениями, иррациональными реальностями. И потому *ночью* все боятся²⁸. Множество пословиц предостерегает против расставленных ловушек. Однако действительно ли эти ловушки столь многочисленны и устрашающи? Здесь мы не будем останавливаться на проблеме преступности, немаловажной для ночных часов и закрепляющей их восприятие как опасных, а также на легкой возможности отомстить или обознаться²⁹: ночь – это не только царство кинжала и засады.

В самом деле, существует немало ночных культур, каждая функция которых заслуживает углубленного анализа: они заставляют иначе опасаться ночи и обеспечивают ее обычаям своего рода автономии. Что мы знаем, например, о ночном труде горожан Нового времени, существовавшем, несмотря на формальный запрет в уставах присягнувших ремесленных корпораций³⁰? Совершенно очевидно, что ряд профессий предполагает и ночной труд. Именно из-за неуклюжести одного булочника в ночное время возник великий лондонский пожар июня 1666 г. Кузнецы, стекольщики и даже ткачи, если того требует спрос, не обращают внимания на предписанные уставом рабочие часы, которые к тому же нередко не соблюдались. В 1698 г. интендант области Лионне отмечает, что в Сент-Этьене, “помимо некоторых благополучных семейств, занятых торговлей, живут одни только неутомимые мелкие ремесленники и рабочие, которые трудятся и днем и ночью”³¹. Отсюда нередкие жалобы со стороны соседей, недовольных шумом, вызванным работой в то время, какое отводится на отдых.

Ночь воспринимается не только как время труда, но и главным образом как время общественных увеселений. Тех, что связаны с переходными ритуалами – как ночь на первое мая или на св. Иоанна Крестителя, либо Twelfth – Двенадцатая ночь или Ночь королей в Англии – и с народными обрядами (посадкой деревьев, кострами, сбором лекарственных трав и растений с магическими свойствами³²; а также более заурядные бессонные ночи с шариками и танцами, нередко отдаваемые на откуп молодежным сборищам, особенно начиная с XVII в.³³ Кроме того, именно ночь – время, когда занимаются

ритуалами и обрядами, расходящимися с ортодоксальными верованиями.

Отметим два аспекта подобных практик, в неравной степени представленные в историографии из-за неравномерного распределения имеющихся в нашем распоряжении источников. Конечно, значительное место в ночной культуре, по крайней мере в начальный период Нового времени, занимало колдовство (даже в тех редких случаях, когда оно использовалось во благо)³⁴, делая ночь временем дьявола и его приспешников. Шабаш с его оргиями и полеты ведьм могли происходить только по ночам³⁵. Тем самым ночь как излюбленная пора подготовки сатанинского заговора оказывается под общепринятым тотальным подозрением. Пьер де Ланкр, магистрат Бордо, которому в правление Генриха IV было поручено уничтожить колдовство в Стране Басков, видит в обитателях Лабура могущественных ведьмаков и ведьм, которые “охотно превращаются по ночам в сиoux, а также любят бдения и танцы как днем, так и ночью”³⁶. Напротив, культ луны, популярность и разработанность которого, возможно, так же надуманны, оставил по себе мало по-настоящему ощутимых следов.

В самом деле, судя по тем весьма неоднородным и разрозненным текстам, какие есть в нашем распоряжении, луна, по-видимому, имеет мало общего с ночью. Во французских и английских литературных произведениях XVI–XVII вв. упоминания луны почти никогда не связаны с ночью: луна служит скорее метонимией женщины, чем ночи³⁷. Однако девиантная функция “лунной”, а следовательно, ночной культуры может проявляться в двух типах “охотничьих рассказов”, передававшихся в социальных элитах. С одной стороны, это разоблачение во многих странах вполне распространенного в XVII–XVIII вв. лунного культа среди сельского населения. Но можно ли считать неопровержимыми доказательствами слова миссионеров из Бретани или Базиликаты³⁸, заметки любопытных вроде Джона Обри³⁹ или, позднее, Джона Босуэлла и Сэмюэля Джонсона⁴⁰? С другой стороны, некоторые выводят сложное соотношение между Гекатой, лунной (луна сводит с ума) и лунными пятнами, представляющими собак и вязанки хвороста, хотя и не связывают по-настоящему луну с колдовством⁴¹.

Наконец, среди самостоятельных ночных практик следует упомянуть и представление о ночи как об “ином” времени, со всеми ее возможными ассоциациями со смертью – от явления в ночи привидений или призраков⁴² до ночных погребений. Последние в разные культурные периоды выступают либо символом унижения, которому подвергается притесняемое меньшинство – например, гугеноты во Франции вынуждены были совершать погребения на закате⁴³, – либо, наоборот, социальной привилегией, как, например, похороны

английских аристократов, которые в начале XVII в. могли происходить ночью после уплаты крупной суммы городским властям⁴⁴. В обоих случаях ночь служит средством установить некое разграничение внутри сообщества.

Как ни странно, но иногда между мрачным окружением и ночным измерением устанавливается сугубо субъективная связь – через грезы, сновидения и образ своей собственной смерти. Ночная греза может быть сколь угодно герметичной и почти не поддаваться контролю – для людей Нового времени она обладает реальным значением. Она исполняет терапевтическую функцию, но, кроме того, и функцию предвестия, божественного – или дьявольского – предупреждения⁴⁵, смысл которого нужно отыскать и истолковать⁴⁶, либо изложив его содержание другим с целью расшифровки, либо доверив его личному дневнику. Поэтому в английских дневниках XVII в. часто описываются ночные видения⁴⁷. И все же данный аспект приоткрывает перед нами тесную связь между автономией личности и темным временем суток: домашнее уединение, время, принадлежащее только себе, защита родных стен, а также сон суть желаемые либо реальные ситуации, ускользающие от сторонних взоров – как соседей, так и властей.

И потому религиозные и светские власти будут пытаться очертить границы ночи, дабы поставить под контроль не только связанные с нею коллективные культурные обычаи, но и индивидуальные практики.

ВЛАСТЬ И НОЧНОЕ ВРЕМЯ

Церковные, судебные и политические власти, сталкиваясь в эти периоды правового “оледенения” реформ с ускользающими от их ведения практиками, поддерживавшими неудобные или сомнительные верования, с середины XVI по середину XVII в. постепенно выработали некую совокупность дискурсов, связанных с ночью, причем когерентность этих дискурсов обеспечивалась более или менее эксплицитным намерением криминализировать данное время суток. Поэтому необходимо самым доскональным образом изучить письменные памятники и проповеди того времени, обличавшие ночь, и выявить их общие элементы и перечень доводов, относящихся к разным регистрам – в зависимости от статуса приводивших их лиц.

В первом, самом общем приближении можно отметить стремление придать ночи дьявольский характер (это отчетливо видно в дискурсах, касающихся шабаша) и предостеречь от тех дополнительных опасностей, которые создают ночные бдения и танцы: обе Церкви в этот момент с особой силой насаждают почитание христианских мо-

ральных институтов, испытывающих мощное влияние пуританского благочестия.

Со своей стороны, судебная власть при поддержке государства старается в своих документах представить ночь отягчающим обстоятельством преступления, поскольку правонарушители делают темноту своей сообщницей⁴⁸. Эта *mala presumptio*, презумпция виновности, заставляет предполагать во всяком ночном визите адюльтер, а во всякой встрече под покровом тьмы подготовку заговора. Она превращает дневные, дозволенные действия в весьма подозрительное поведение: показательным примером такого рода преобразования служат бракосочетания⁴⁹. Под влиянием этих нарастающих настроений власти пытались вводить новые меры (а иногда и ужесточать существующие), которые бы помогали обуздать независимые и опасные проявления ночи.

Все Церкви, как католическая, так и протестантские⁵⁰, действуют в первую очередь через ряд запретов, касающихся ночных религиозных обрядов. Во многих отношениях поучителен систематический анализ синодальных статутов⁵¹. Все епископы в XVII–XVIII вв. в один голос требуют запирать на закате церковные здания, а главное – одиночные часовни; они настоятельно советуют не исповедовать прихожан в темных углах и по ночам, запретить ночной колокольный звон в ночь с 1 на 2 ноября, “отчего обыкновенно бывает большая суматоха и соблазн”, а также ночные благословения и причастия и не допускать совершения ночных бракосочетаний. То, что данные запреты повторялись, зачастую дословно, на протяжении целого века, возможно, свидетельствует об уровне их реальной действенности.

И все же ночь не совсем была лишена духовного смысла. Для некоторых ночей, например, Рождественской или Страстной, это измерение было обязательным. Церкви тогда были открыты большую часть ночи, при этом священники заботились в первую очередь о том, чтобы собравшиеся не отвлекались от благочестивых занятий. Ярко освещенный алтарь, коллективные молитвы, черед месс и исповеди не позволяли возникнуть духовной пустоте у прихожан, явившихся ночью молиться Богу⁵². Во время юбилея 1750 г. папа впервые устроил на Святой неделе ночную процессию у римского Колизея.

Впрочем, ночные духовные практики эпохи Контрреформации заслуживают самого пристального внимания. Например, в Сорокачасовой молитве, призванной подвергнуть экзорцизму опасности карнавала, или в педагогических приемах миссионеров ночь используется по-разному: в первом случае это серия молитв перед ярко освещенными Святыми Дарами или процессия со множеством факелов, во втором – колокольный набат, напоминающий верующим

около трех часов утра о долге спасения души⁵³, а в других местах упражнения, именуемые *sentimenti di notte* и обращенные пассионистами XVIII в. к деревенским жителям Умбрии или Лациума⁵⁴.

Очертив рамки коллективных практик, Церкви усиливают свои позиции и более тонким образом, стремясь установить контроль индивидуальный, даже интимный: среди прочего, предлагается даже освятить сон⁵⁵. Достаточно обратиться к молитвам, которые предлагается читать христианину, ложась в постель или засыпая. В некоторых молитвенниках и текстах синодальных ордонансов предусмотрены особые формулы, своего рода прелюдии к засыпанию: “Благослови меня, Господи, и упаси от греха (ночью), от напастей и от внезапной смерти”, – такие слова в 1778 г. епископ Фрежюса предлагает произносить вверенной ему пастве⁵⁶.

Заслуживает изучения также сохранение в некоторых регионах Европы “Ночи Товии”, когда молодоженам запрещено соединяться, по крайней мере, три дня после свадьбы, дабы посвятить это, естественно, ночное время молитве.

Наконец, следовало бы разобраться в устойчивых связях между ночью и еретическими религиозными группами: духовная активность лютеран в испанских Нидерландах конца XVI в. или камизаров в начале XVIII в. во избежание политических преследований частично приходилась на темные часы. Данный пример, классическое сочетание религии и политики, подводит нас к различным аспектам отношений, которые, в свою очередь, поддерживала с ночными часами государственная власть (государство, город, сообщество).

Точнее говоря, необходимо понять, какое место занимает ночь в политической практике. Способствует ли она специфическим политическим действиям, о чем упрямо свидетельствует Варфоломеевская ночь (август 1572 г.), множество потенциальных заговоров⁵⁷, а также ряд эпизодов, связанных с бегством королей, символом которого стал побег Карла II после поражения при Вустере в годы гражданской войны в Англии или “Ночь Королей” в период Фронды (6 января 1649 г.)⁵⁸.

Со своей стороны, гражданские власти, действуя прежде всего в рамках города, нередко подхватывают и развивают средневековые тенденции, в частности, продолжают запирают городские ворота, оставляя в меньшей безопасности окружающую местность, по крайней мере, со времен Монтеня до Руссо⁵⁹. В том же русле лежит сохранение и даже разрастание институтов надзора. *Signori di notte* в итальянских городах – Флоренции, Сиене, Ферраре и особенно Венеции, где они являются также *signori di giorno*; упорядочение системы надзора в небольших городах Объединенных Провинций, например, в Лейдене⁶⁰; рост числа ночных дозоров и увеличение (по крайней мере, в теории) численности войск – наглядное свидетельство этого

стремления четче очертить городское пространство. Так, в Лондоне после решения городского Common Council, принятого в октябре 1663 г., прежняя средневековая система дозора претерпела значительные изменения: к каждому ward приписывалось большее число часовых⁶¹. Во Франции происходят те же процессы. В XVII в. в Ла Рошели члены городской милиции были обязаны нести караул примерно раз в неделю⁶².

На эти институты возлагались самые разнообразные функции. Но и неусыпный надзор с целью предотвратить возможный пожар, опасность которого была особенно сильна в кабаках и лавках, в принципе закрывавшихся в определенное время, и все остальное – от слежки за неверными супругами или содомитами до облав на проституток, бродяг и нищих – фактически преследовало одну и ту же цель: обеспечить общественную безопасность и социальный мир, сделать ночь временем свободным от труда и одновременно нормированным. Городские и даже государственные власти обрекали (городскую) ночь на немоту (термин Марио Збрикколи), однако это был не единственный способ подчинить себе ночное время, имевшийся в их распоряжении.

К тому же кругу представлений относится и другой аспект этого контроля над ночью, преследующий, однако, несколько иные цели, а именно попытка уничтожить специфику ночи, отменив часы темноты. На первом этапе речь шла как раз о том, чтобы сделать ночь светлой, превратить ее в своего рода заменитель дня, всячески способствуя развитию уличного освещения. Здесь инициатива также исходит от города; тем самым начиная с XVII в., возникает новая граница между ним и деревней. В XVIII в. она становится еще резче, реализуясь на практике самыми разными способами. Установка фонарей служит в западноевропейских городах классической эпохи – за долгим исключением Рима и Женевы, двух религиозных столиц! – признаком прогресса самоуправления⁶³. Таким образом, освещение следует изучать одновременно и как неоспоримый знак бурного подъема материальной культуры, и как инструмент контроля, и в то же время как попытку ограничить пространство темноты в городе.

Благодаря этому примеру перед нами вырисовывается часть новых или, скорее, обновленных функций, которыми наделяется ночь.

НОВЫЕ ФУНКЦИИ?

На данный момент особого внимания заслуживают три основных направления исследования. Стремясь подчинить себе время, а значит, постепенно сокращая ночные часы, власти пытаются заполнить отдельные ночи некоторыми видами деятельности, поддающимися строгому контролю.

Отсюда бурное развитие фейерверков, которые даровались городскому населению по случаю различных годовщины (5 ноября в Англии в память о Пороховом заговоре 1605 г.), дней рождения государей (ночь на 17 ноября в правление Елизаветы I)⁶⁴ или иных торжеств – во время которых, однако, всегда сохранялась опасность несчастного случая, обращавшего инициативу против существующих властей. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют около сотни погибших на площади Людовика XV в ночь на 30 мая 1770 г., во время празднеств по случаю бракосочетания дофина Людовика с Марией-Антуанеттой⁶⁵. В целом эти инициативы выполняют представительскую функцию (в Париже празднества почти всегда происходят в одних и тех же местах: в Тюильри, Пале-Рояле) и являются своего рода методом управления, однако они все равно служат для властей одним из способов подчинить себе ночь⁶⁶.

С середины XVII в., словно для того чтобы усилить проникновение публичных действий в ночное время, множатся частные инициативы, обращенные к более узким категориям публики. В 1667 г. была создана большая ночная комната Арльской Академии, что способствовало постепенному превращению благочестивых бдений в собрания и кружки мирян⁶⁷. Балы, променады, игрища, выйдя за пределы столиц, получают распространение в провинциальных городах. В середине XVIII в. в Шалоне буржуазия регулярно организует “званные обеды и званные ужины, где играют всю ночь”⁶⁸. Театральные и оперные спектакли в Лондоне и Париже начинаются все позже и нередко завершаются ужином. Среди французской знати и крупной буржуазии входят в моду ночные бракосочетания. Все эти практики отныне перестают быть принадлежностью одних только аристократических кругов: это наглядные признаки трансформации времени, проникновения дневных обычаев в ночные часы, предвещающие зарождение иного, ночного общества, в рамках которого вырисовывается персонаж ночного прожигателя жизни.

Но одновременно на протяжении последних веков Нового времени власти, по-видимому, ужесточают надзор. В городской среде усиливается контроль за гостиницами и меблированными комнатами⁶⁹, множатся полицейские облавы на публичные дома⁷⁰ и даже вводится или чаще применяется смертная казнь⁷¹ – все это признаки удвоенного контроля за ночью, и они ставят перед нами новые вопросы. Проявляется ли в них просто улучшение работы полицейского аппарата и его административных подразделений, или они выступают необходимым противовесом расцвету ночных увеселений, или же отвечают усилению (уже не на словах, а на деле) криминализации ночи, о которой шла речь выше?

В самом деле, историки преступности отмечают, что в Новое время пространством агрессии все чаще становится ночь. Из работ,

посвященных Средневековью, явствует, что как в городской черте, так и в деревне преступность вначале была явлением дневным⁷², а также приходившимся на “неверные” сумеречные часы. Именно в раннее Новое время как во Франции и в Нидерландах, так и в Англии “вечер” и ночь, по-видимому, окончательно превращались во все более и более криминогенное время: в деревнях Артуа на эти часы приходится более двух третей учтенных преступлений, а в Дуэ – 75% актов агрессии⁷³. Постепенно обширный временной интервал между “неверным” закатом и серединой ночи вбирал в себя еще больший массив различных форм агрессии. В Женеве середины XVIII в. 60% преступлений совершаются между 18 и 24 часами, но в княжестве Невшатель в 1707–1806 гг. около 80% их приходится на интервал между 20 и 24 часами⁷⁴. Но в то же время Париж, Версаль и деревни в юго-западной части Центрального Массива словно выпадают из общего процесса⁷⁵. О чем свидетельствуют эти заметные различия, если не о том, что, возможно, здесь отсутствует какая-либо хронологически непрерывная тенденция и различные формы агрессии не всегда концентрируются в определенные моменты времени? Более того, при внимательном изучении судебных архивов выясняется, что разные типы преступлений неодинаково распределяются во времени суток. Ночью гораздо чаще, чем днем, совершаются побег, шумные скандалы, азартные игры, сексуальные преступления (похищения и изнасилования) либо самоубийства. Ночь словно бы подталкивает к насилию при совершении противоправных действий. В этом направлении также следует продолжать исследования⁷⁶.

Впрочем, у нас нет достоверных свидетельств того, что в речах властей о криминализации ночи отразилась некая юридическая реальность, тем более что теологи и юристы привлекали для своих целей скорее колдунов, дьявола и грех, нежели оружие и западню. Однако не следует забывать, что в трактатах по уголовному праву начиная с XVII в. ночное время рассматривается в целом как обстоятельство, отягчающее вину нападающего⁷⁷. Такой разброс в результатах связан также с географическими различиями, на которых стоит остановиться подробнее. Скорее всего, в ходе анализа мы не раз встретимся с оппозицией города и деревни: городское пространство четче организовано, но с конца XVII в. оно становится благоприятной средой для ночных вылазок все более широких слоев населения, которые служат легкой добычей для злодеев и всяческих “потрошителей”.

Но главное в этом пространственном сопоставлении, быть может, состоит в ином. Если политика муниципальных властей по отношению к ночи, судя по всему, везде – от Венеции до Лондона, от Намюра до Тулузы – преследовала сходные цели, то карта религиозных и социальных обычаев, характерных для этого времени суток,

напротив, напоминает в первую очередь не о границе между католическим и протестантским мирами, но о различиях между северными и южными областями Западной Европы.

В духовном плане можно констатировать, что, например, в Средиземноморье миссионеры без колебаний использовали ночь в своей деятельности, приравливаясь к культурным обычаям местного населения. В Испании миссия всегда открывается ночной процессией, а в ряде регионов Италии, как мы уже говорили, многие коллективные благочестивые ритуалы разворачиваются по ночам. Даже сам А. де Лигуори поддерживал эти практики, полагая, что религиозное просвещение, имеющее в виду прежде всего трудящихся, должно приспособливаться к их ритму жизни и что, учитывая всевозможные опасности, которые в эти мрачные часы могут подстергать души и тела, его плоды будут тем более обильными⁷⁸.

Франция занимает в этой схеме особое место: благодаря своему географическому положению королевство принадлежит сразу к двум культурам. Это проявляется во всей полноте при внимательном чтении синодальных статуты: именно “южные” епископы (в пространстве между Родезом и Греноблем, Тулузой и Фрежюсом, Бордо и Мендом), особенно во второй период Нового времени⁷⁹ наиболее ревностно разоблачали некоторые ночные практики местных сообществ, главным образом процессии и благословения или же обыкновение не запирают на ночь часовни, вступая тем самым в противоречие с обычаями местного населения⁸⁰, которое постоянно обращалось к ним с просьбами их не отменять. Это насаждение епископального порядка, меру успеха или провала которого не всегда можно определить, на самом деле не вписывалось в логику культурного господства Севера, где по климатическим причинам ночь не наделялась тем коллективным, экстериоризированным смыслом, как у южных народов. В гораздо большей мере оно отвечало стремлению всячески бороться против этого времени суток, которое считалось опасным для спасения души, ибо благоприятствовало разного рода излишествах среди населения, подлежащего (ре)христианизации.

Мы наметили лишь общие ориентиры исследования, часть из которых, возможно, в дальнейшем отпадет из-за крайней распыленности архивов и вторичных источников, но которые могут привести к постановке новых проблем; из этого обзора следует, что история ночи – весьма обширная область, затрагивающая самые разнообразные сферы и постоянно развивающаяся в рамках западноевропейской цивилизации Нового времени. Хронологическое и пространственное распределение связанных с ней практик и методов господства весьма противоречиво и разнообразно. В этом смысле ночь является как минимум важнейшим наблюдательным

пунктом, позволяющим выявлять автономные социокультурные единицы и следить за непрекращающейся, хотя и не всегда активной борьбой за утверждение тех или иных реальностей, а также за реакцией и ответом властей на реальное или воображаемое их неприятие обществом.

- ¹ Так называется прекрасная книга Симон Делатр, о которой пойдет речь ниже: *Delattre S. Les douze heures noires. La nuit à Paris au XIXe siècle.* P., 2000.
- ² Ссылки на них даются в тексте нашей работы.
- ³ Это особенно заметно в целом ряде статей из сборника, подготовленного Франсуа Анжелье и Николь Жак-Шакен (*La nuit / Ed. par F. Angelier, N. Jacques-Chaquin. Grenoble, 1995*), или в коллективном труде под редакцией Вероник Наум-Грапп: *La Nuit / Publ. par V. Nahoum-Grappe // Sociétés et Représentations. 1997. N 4.*
- ⁴ Здесь следует особо выделить фундаментальный труд Полетт Шоне: *Choné P. L'atelier des nuits. Histoire et signification du nocturne dans l'art d'Occident. Nancy, 1992.* См. последнюю ее публикацию в сб.: *L'âge d'or du nocturne.* P., 2001.
- ⁵ *Van Tieghem P. La poésie de la nuit et des tombeaux.* P., 1946.
- ⁶ *Novalis. Hymne à la nuit.* P., 2002.
- ⁷ *Contant d'Orville. Les Nuits anglaises.* P., 1770; *Rétif de La Bretonne. Les Nuits de Paris / Éd. D. Baruch.* P., 1990.
- ⁸ *Mauguin J.-M. La nuit dans le théâtre de Shakespeare et de ses prédécesseurs.* Lille, 1980; *Shakespeare et les terreurs de la nuit // La Peur dans l'Angleterre des Tudors à la Régence / Réunis par Alain Morvan.* Lille, 1983. P. 97–111; *Kadi S. La nuit dans les oeuvres de Shakespeare et de ses contemporains.* Valenciennes, 1998.
- ⁹ В упомянутом выше сборнике под редакцией Фр. Анжелье.
- ¹⁰ *Penser la nuit (XVe–XVIIe siècle) / Sous la dir. de D. Bertrand.* P., 2003.
- ¹¹ См., среди прочего: *Corps écrit. 1985. N 14; Melbin M. Night as Frontier // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. N 1. P. 3–22; Carbonnier J. Flexible droit. Textes pour une sociologie du droit sans rigueur. 10 éd. P., 2001. ; Deloeil J.-M. Lyon, la nuit. Lieux, pratiques, images. Lyon, 1994; Bureau L. Géographie de la nuit. Montréal, 1997; уже упоминавшийся выше журнал “Sociétés et Représentations” и в несколько ином разрезе: *Genette G. Le jour, la nuit // Figures II. P., 1979. P. 101–122.**
- ¹² *Delattre S. Op. cit.; Verdon J. La nuit au Moyen Âge.* P., 1995.
- ¹³ *Pavan E. Recherches sur la nuit vénitienne à la fin du Moyen-Âge // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. P. 939–956; Gauvard G. “De grâce espediale”. Crime, état et société en France à la fin du Moyen Âge. P., 1991; Gonthier N. Délinquance, justice et société dans le Lyonnais médiéval. P., 1999; Muchembled R. La violence au village (milieu XVe–milieu XVIIe siècles). Turnhout, 1989; Fourret C. Douai au XVIe siècle. Une sociabilité de l'agression // *Revue d'histoire Moderne et Contemporaine. 1987. Janvier–mars. T. XXXIV. P. 3–30; Henry P. Crime, justice et société dans la principauté de Neuchâtel (1707–1806).* Neuchâtel, 1984; *Wake C. Esquisse pour une histoire de la vie nocturne. Genève au XVIIIe siècle // Revue du Vieux Genève. 1989. P. 73–86; Cabantous S. Crimes et délits nocturnes en pays tarnais au siècle des Lumières // *Revue du Tarn. 2001. N 181. P. 107–131.* Этот список, безусловно, неполон, ибо ограничивается только Новым временем (с конца Средних веков до начала XIX в.). Относительно более древних периодов см., например: *Ramoux C. La nuit et les enfants de la nuit.* P., 1959; *Histoire***

- d'un symbole. Histoire antique de la nuit // Cahiers Internationaux du Symbolisme. 1967. N 13. P. 157–168.
- ¹⁴ *Delumeau J.* La Peur en Occident. P., 1978; *Roche D.* Histoire des choses banales. P., 1997. Более специфические сведения по проблеме освещения можно найти в диссертациях Жан-Люка Лаффона и Катрин Клеман-Дени (см. примеч. 63).
- ¹⁵ In: Corps écrit. 1985. N 14.
- ¹⁶ *Cabantous A.* Entre fêtes et clochers. Profane et sacré dans l'Europe moderne (XVIIe–XVIIIe siècles). P., 2002.
- ¹⁷ Даже если библейский рассказ о Творении чреват недоразумениями: “И назвал Бог свет днем, а тьму ночью” (Быт. I : 3).
- ¹⁸ Nuit // Dictionnaire de spiritualité. P., 1982. T. IX. Col. 519–525.
- ¹⁹ *Pavan E.* Op. cit. P. 340.
- ²⁰ *Walker C.* Op. cit.
- ²¹ *Rousseau J.-J.* Confessions. P., 1963. T. 1. P. 76.
- ²² Например, в Женеве XVIII в. 19 декабря ворота закрывали в 4 часа, но 25 июля – в 7 час. 30 мин. Отметим, однако, что и зимой, и летом в эти часы было еще светло. (см.: *Walker C.* Op. cit.).
- ²³ *Gauvard Cl.* Op. cit. P. 481.
- ²⁴ Естественно, в восприятии момента зари подобные колебания отсутствуют: он – предвестник дня, да и мало кто просыпается к этому времени.
- ²⁵ *Vaysse M.* La nuit dans le journal de Barbier. Mémoire de maîtrise. P., 2003.
- ²⁶ *Mathurin V.* Les nuits de L'Estoile. Mémoire de maîtrise. P., 2002. P. 37 и след.
- ²⁷ *Delumeau J.* Op. cit. P. 87–88.
- ²⁸ Об этом разграничении см.: *Boutonnie J.* Contribution à la psychologie de l'angoisse. P., 1945; цит. по: *Delumeau J.* Op. cit. P. 419.
- ²⁹ См. примеры, приведенные Р. Мюшембле применительно к Артуа XVI–XVII вв.: *Muchembled R.* Op. cit. P. 119–122.
- ³⁰ См. неопубликованные соображения Корин Метт, высказанные в ходе круглого стола в Университете Париж-I, Пантеон–Сорбона (Université de Paris I) на тему “Ночь как объект исторической науки?” (2001).
- ³¹ Mémoires pour l'instruction du duc de Bourgogne: L'intendance du Lyonnais, Beaujolais, Forez en 1698 / Sous la dir. de Jean-Pierre Gutton. P., 1996. P. 60.
- ³² *Gluser-Matecki A.* Le premier mai ou le cycle du printemps. P., 2002.
- ³³ *Muchembled R.* L'autre côté du miroir // Annales E.S.C. 1985. P. 288–305, особенно P. 295. Среди последних работ о том, как использовала ночное время молодежь, см.: *Pitou F.* Jeunesse et désordre social. Les coureurs de nuit à Laval au XVIIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2000. 41–1. Janvier–mars. P. 69–92.
- ³⁴ *Ginzburg C.* Les batailles nocturnes. Sorcellerie et rituels agraires aux XVIe et XVIIe siècle / Trad. fr. P., 1980 (1er ed.: 1966).
- ³⁵ Читатель может обратиться к спорной книге Карло Гинзбурга (*Guizburg C.* Le sabbat des sorcières / Trad. fr. P., 1992) и к работам Робера Мюшембле: *Muchembled R.* La sorcière au village (XVe–XVIIe siècles). P., 1979; *Idem.* Sorcières, justice et société aux 16e et 17e siècles. P., 1981. В его “Истории дьявола” (Histoire du diable. XIIe–XXe siècles. P., 2000) вторая глава называется “Ночь шабаша”; впрочем, по-настоящему подробно автор на тематике ночи не останавливается.
- ³⁶ *De Lancre P.* De l'inconstance des mauvais anges et des démons. P., 1613. Livre 1, disc. I.

- ³⁷ Правда, эти соображения почерпнуты мною из докторской диссертации искусствоведа Виржини Матюрен: *Mathurin V. Culte et cultures séléniques en France et en Angleterre aux 16e et 17e siècle*. P., 2003.
- ³⁸ *Delumeau J.* Op. cit.; *Viscardi G.-M.* La mentalité religieuse en Basilicate à l'époque moderne // *Homo Religiosus. Autour de Jean Delumeau*. P., 1997. P. 269.
- ³⁹ Джона Обри можно сравнить с "антикваром": в написанных в 1686–1687 гг. "Заметках о язычестве и иудаизме" ("Remaines of Gentilism and Judaism") он перечисляет некоторое количество верований и типов поведения, которые господствующая Церковь считала еретическими. Этот текст был издан Джеймсом Бриттенем в 1881 г. и использован Кейтом Томасом: *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. L., 1971. P. 36–37, 384.
- ⁴⁰ *Johnson S.* Voyage dans les Hébrides. L., 1775 (trad. fr. P., 1991) (об обычаях острова Остиг Скай).
- ⁴¹ "Луна нынче такая полная, что на ней можно скакать вдвоем с лающей Гекатой вслед за ночными ведьмами, места хватит", пишет в начале XVIII в. Томас Миддлтон (*Middleton T.* The Changeling / Ed. A.C. Black. L., 1990). См. в этой связи сходные замечания Франсуа Маркетти: *Marchetti F.* Explications des usages et coutumes des Marseillais. Marseille, 1683. Т. 1.
- ⁴² *Lavater J.* Of Ghostes and Spirites Walkin by Night (1572) / Publ. for M. Yardley. Oxford, 1929; см. также: *Le Goff J.* Les rêves dans la culture et la psychologie de l'Occident médiéval // Pour un autre Moyen-Âge. P., 1977. P. 299–306; *Schmitt J.-C.* Le corps, les rites, les rêves, le temps. Essais d'anthropologie médiévale. P., 2002; *Thomas K.* Op. cit.; *Vovelle M.* La mort et l'Occident de 1300 à nos jours. P., 1983.
- ⁴³ *Thibault-Payen J.* Les morts, l'Église et l'État. P., 1977. P. 177 sq.
- ⁴⁴ *Houlbroocke R.* Death, Religion and the Family in England (1480–1750). Cambridge, 1998. P. 273.
- ⁴⁵ См. не завершённую пока работу Клер Ганте о германском ареале в XVII в.
- ⁴⁶ *Goodwin P.* The Mystery of Dreams Historically Discoursed. L., 1657.
- ⁴⁷ La mort, le fantastique, le surnaturel du XVIe siècle à l'époque romantique / Sous la dir. de M. Plaisant. Lille, 1980.
- ⁴⁸ *Ripa P.* Tractatus de nocturno tempore. Venezia, 1601; *Crusius J.A.* De Nocte et nocturnis officis. S.l., 1695; *Rachtenhofer J.H.* Ius Noctis. S.l., 1678; *Zaunschliffer O.Ph.* Lucerna iuridica temporis nocturni. S.l., 1698.
- ⁴⁹ Обо всей этой группе фактов см. коллективный труд под редакцией Марио Сбрицколи: La notte: ordine, sicurezza e disciplinamento in età moderna / Dir. M. Sbriccoli. Firenze, 1991.
- ⁵⁰ Постольку, поскольку использование культовых построек в ночное время – не такая уж редкая вещь в католицизме.
- ⁵¹ На данный момент мне довелось по ходу разысканий проанализировать синодальные статуты тридцати двух французских диоцезов XVII–XVIII вв. См. их перечень, составленный А. Артонном и др.: *Artonne A. et al.* Répertoire des statuts synodaux des diocèses de l'ancienne France. P., 1969.
- ⁵² *Sabantous A.* Op. cit. P. 121–122. Гюг Оланье, священник диоцеза Пюи, пишет в своем "Дневнике", что на Страстную субботу 1654 г. "был занят на исповедях до полуночи" (*Journal de l'abbé Aulagnier* / Publ. par S. Heuzé. Saint-Vidal, 1987. Т. 3. P. 180).
- ⁵³ Жюльен Монуар, выступивший с подобной инициативой, в отличие от других миссионеров, без колебаний исповедует по ночам. Его биограф пишет о миссии в Уэссане в июне 1641 г.: "Толпа кающихся была столь велика, что мы, дабы удовлетворить всех, отправлялись в исповедальню к трем часам утра и

- проводили там почти целый день; в восемь, а то и в девять вечера мы еще были там” (*Boschet P. La vie du père Julien Maunoir. S.l. S.d.*).
- ⁵⁴ *Castagnetti P. Les missions de Paul de la Croix en Italie centrale // Histoire, Economie et Société. 2000. Vol. 19, N 1. P. 105–132.*
- ⁵⁵ Стоило бы изучить тематику сна, в том числе мистической грезы, и сновидения в библейских текстах. Ср., например, сон Адама, Авраама, Иосифа, апостолов во время Преображения Иисуса или в Гефсиманском саду: Быт. 2: 21; Быт. 15: 12, Мф. 1: 24; Лк. 9: 32; Мк. 14: 37.
- ⁵⁶ *Ordonnances synodales de Mgr l’évêque de Fréjus. 1778. P. 311.*
- ⁵⁷ О роли ночных заговоров см.: *Naudé G. Considérations sur les coups d’état. P., 1989. P. 101; цит. по: Merlin H. Nuit de l’État et le roi-Soleil // Angelier Fr. Op. cit. P. 203–218; ср. также замечания Пьера де л’Этуэля, приведенные В. Матюрен (Op. cit.).*
- ⁵⁸ Катя Беген, которая готовит работу по данной теме, пока не выяснила, отводилась ли ночи как таковой какая-либо особая роль в текстах – рассказах и памфлетах, – излагающих этот исторический эпизод.
- ⁵⁹ Ср. описание запираания ворот в Аугсбурге в 1580 г. в “Путевом дневнике” Мишеля Монтеня; цит. по: *Delumeau J. Op. cit. P. 1.*
- ⁶⁰ *Parival N. Les délices de la Hollande. Amsterdam, 1669. P. 158.*
- ⁶¹ По уставу их полагалось 1036. На самом деле их было всего 469 в 1700 г. и 672 в 1737 г. Данные взяты из кн.: *Beattie J.M. Police and Punishment in London (1600–1750). Oxford, 2001. P. 173–176, 193–196.*
- ⁶² *Histoire de La Rochelle / Sous la dir. de Marcel Delafosse. Toulouse, 1985. P. 141.*
- ⁶³ См., например: *Roche D. Op. cit. P. 125–130, и диссертации Катрин Клеман-Дени (*Clément-Denis C. Police et sécurité au XVIIIe siècle dans les villes de la frontière franco-belge. P., 2003. Ch. 8*), и Жан-Люка Лаффона (*Laffont J.-L. Toulouse au XVIIIe siècle. Thèse de doctorat. Université de Toulouse le Mirail, 1997*).*
- ⁶⁴ *Cressy D. Bonfires and Bells: National Memory and the Protestant Calendar in Elisabeth and Stuart England. L., 1989.*
- ⁶⁵ *Archives Nationales (Paris). Y 15707. Несколько десятков человек погибло и во время празднеств в феврале 1745 г. и марте 1747 г. в Париже.*
- ⁶⁶ *Vaysse M. Op. cit.*
- ⁶⁷ *Rance A.S. L’Académie d’Arles au XVIIe siècle. P., 1886–1887; цит. по: Roche D. Le siècle des lumières en province: académies et académiciens provinciaux (1680–1789). P., 1989.*
- ⁶⁸ *Roche D. Op. cit. P. 152.*
- ⁶⁹ *La ville promise. Mobilité et accueil à Paris (fin XVIIe – début XIXe siècle / Sous la dir. de D. Roche. P., 2000; Denis V. Individu, identité, identification en France (1715–1815). Thèse de doctorat. P., 2003. Ch. VI.*
- ⁷⁰ *Benabou M.-E. La prostitution et la police des mœurs au XVIIIe siècle. P., 1987. P. 65–66.*
- ⁷¹ См. об этом: *Barthès P. Les heures perdues / Publ. partielle et adaptée de P. Lamouzèle. Toulouse, 1981.*
- ⁷² По наблюдениям К. Говар (*Gauvard Cl. Op. cit. P. 482*), 44% преступлений совершалось днем, а 31% – в сумерках; ср. также работы Н. Гонтяе.
- ⁷³ По подсчетам Р. Мюшембле (*Muchembled R. Op. cit. P. 51*), на этот “мимолетний момент” приходится 55% преступлений; ср. также: *Fouret C. Op. cit.*
- ⁷⁴ *Waker C. Op. cit. P. 80; Henry P. Op. cit. P. 596.*
- ⁷⁵ 46% преступлений, зарегистрированных в Малом уголовном суде Парижа, совершаются между 18 и 24 часами (*Farge A., Zysberg A. Op. cit.*). Замковое пре-

вотство Версаля в 1748–1775 гг. устраивает 29% общих заседаний ночью, но виновные могли совершать свои деяния днем (*Gomis S. Pouvoir et criminalité au château de Versailles (1748–1775). Mémoire de maîtrise. Université de Paris I (CRHM). P. 96*); в районе Тарна на это время приходится 37% преступлений (*Cabantous S. Op. cit. P. 115*). Можем ли мы сделать вывод, что и в Лондоне на протяжении XVIII в. произошла криминализация ночи? Полю Денизо ответ представляется положительным, хотя весомых доказательств он не приводит: *Denizot P. La criminalité en Angleterre au XVIII siècle // Pauvreté et Assistance en Grande Bretagne (1688–1834). Aix-en-Provence, 1999. P. 54–55.*

⁷⁶ *Cabantous S. Op. cit. P. 116.*

⁷⁷ *Sbriccoli M. Op. cit. Introduction.*

⁷⁸ См.: *Cabantous A. Op. cit. P. 124–125.*

⁷⁹ Архиепископ Бордо еще в 1609 г. призывал прихожан на молитву во время праздничных бдений.

⁸⁰ *Brunet S. Les prêtres des montagnes. La vie, la mort, la foi dans les Pyrénées centrales sous l’Ancien Régime. Aspet, 2001. P. 305–333.*

Пер. с франц. И.К. Стаф